

Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.

В критических оценках состояния русской диалектной лексикографии до недавнего времени общим местом были сетования на неравномерность охвата словарными описаниями великорусской этноязыковой территории: одни зоны, например, северно-великорусские, представлены региональными лексиконами с большей или меньшей полнотой (об их "достаточном" количестве говорить нельзя будет, конечно же, никогда), лексикографическое описание других, например, южновеликорусских, намного беднее. Без подробного описания диалектной лексики в жанре словаря оста-

вались даже области, исключительно важные в историческом, историко-культурном и историко-языковом плане, например, Новгородская, Владимиро-Суздальская земли и др. Бумом региональной лексикографии нынешнее время, разумеется, не назовешь, но все же положение, по счастью, меняется. Одним из свидетелей этому – "Новгородский областной словарь", подготовка и издание которого, осуществлявшиеся сотрудниками Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (ранее – Новгородского государственного педа-

гогического института)¹, завершены в позапрошлом году.

"Новгородский областной словарь" (его составители для сокращенного обозначения словаря предлагают пользоваться аббревиатурой НОС) относится к диалектным лексиконам дифференциального типа, средним по величине: суммарный объем его двенадцати выпусков — около 115 печатных листов. К сожалению, авторы не указывают ни количества словарных статей, составляющих каждый отдельный выпуск, как это принято в ряде изданий подобного жанра, ни общего числа диалектных слов, получивших в лексиконе отражение. Однако по моим прикидкам "Новгородский словарь" включает около 23 тысяч вокабул, а если принять во внимание фразеологию, помещаемую в различные словарные статьи, то общее число лексических и сверхсловных единиц, составляющих в нем предмет лексикографического анализа, по-видимому, близко к 25 тысячам. Наряду с нарицательной лексикой, вслед за изданиями типа "Архангельского областного словаря", рецензируемое собрание включает некоторые категории ономастических имен: микро-топонимию (собственные названия ручьев, холмов, земельных участков и т.п.) и прозвища-"микроэтнонимы". Базой для создания словаря послужила картотека, насчитывающая приблизительно 400 тысяч карточек. Материал для "Новгородского словаря" собирался с 1959 г. в течение тридцати лет на территории бывшей Новгородской губернии (современная Новгородская область и часть Ленинградской области — Волховский и Тихвинский районы). На этой территории распространены главным образом новгородские (окающие) и псковские (акающие) западные средне-русские говоры и говоры Ладого-Тихвинской группы северновеликорусского наречия.

"Новгородский словарь" существенно расширяет наши представления о лексическом составе говоров Новгородской области и сопредельных местностей. Значительное количество приводимых в нем слов отсутствует в сводном "Словаре русских народных говоров" — наиболее крупном собрании диалектной лексики во всей

славянской лексикографии. Таковы, например, лексемы *бабары́га* (название рыбы), *брыздо́к* 'отборное зерно злаковых культур', *высходня́г* 'тропа, по которой можно выйти из лесу', *гладбалка* 'чесалка (для шерсти)', *долгопря́слый* 'долговязый', *душемера* (нареч.) 'много, сколько душе угодно', *ерусал* 'грязь, размякшая почва', *жгуль* (жен. р.) 'жгут', *жолничі́* (мнж.) 'стебли (например, табака)', *закули́жина* 'отдаленный участок (край) болота', 'кривой поворот', 'боковая часть грядки', 'приспособление для колки дров в виде клина', *зерём* 'мокрое место' (ср. др.-русс. *зеремя* 'место, где живет стадо бобров', XV в.: слово праславянского возраста, кроме юго-западных памятников древнерусского языка, до сих пор отмечавшееся из всех славянских языков лишь в старобелорусском, XVI в. [Трубачев 1963: 179; Филин 1972: 543–544]), *иворок* 'непослушный, своевольный человек' (родственно словам *ивер.* *иверень* 'осколок, клочок; щепка; мусор'; ср. семантически близкие простореч. *оторва*, белор. диал. *асколак* 'сорванец'), *киловоб* 'участник свадебного поезда, едущий последним', *кла́пень* (муж. р.) 'семенник у конопли', *копоб* 'пруд', *кровомб́чка* 'болезнь коров', *лозгу́ша* 'картофельная шелуха', *лыбя́ница* 'ягода, похожая на землянику, но крупнее и поспевающая позднее', *мали́ца* 'малина' (с не отмеченной до сих пор суффиксальной вариантностью), *межудёлки* (мнж.) 'отдельные островки травы', *мо́куш/мо́кош* — с тринадцатью (!) значениями, организованными в семь (!) словарных статей ('мох', 'вид рыбы', 'нечистая сила', 'человек маленького роста', 'грязь, мусор', 'моченый хлеб' и др.: в СРНГ — лишь *мокоша́* новг. 'нечистый дух', яросл. 'хлопотливый человек'), *москли́жка* 'лодыжка, щиколотка' (ср. *мостолы́га* 'голень', фиксированное в русских говорах Литвы), *не́ганы́й* 'сытый' (правильно ли установлено значение?: *Ох, у меня лошадь негана*), *несуде́/несуди́* (предлог!) 'вроде' (для выражения компаративных отношений), *не́ша* 'сплетник' и др.

Немало в словаре слов, отмечаемых в новгородских говорах в иных, по сравнению с уже зафиксированными другими региональными словарями, значениях, например: *бодя́га* 'вид супа', 'о любой плохой еде' (представляющее прекрасную основу для истолкования фразеологизма *разводить бодягу*, — вопреки имеющимся толкованиям

¹ Авторы-составители — А.В. Клевцова и В.П. Строгова при участии Л.Я. Петровой (в трех выпусках) и А.В. Никитина (в одном выпуске); ответственный редактор — В.П. Строгова; научный консультант лексикографического предприятия — А.С. Герд.

анекдотического качества [Шанский и др. 1987: 122]), *водолей* 'кормовая часть рыбацкой лодки', *головица* 'корзина из лучины', *губа* 'полоса невытеребленного льна', *дед* 'часть приспособления для обработки льна', *ежеватый* 'колючий (о волосах)', *желтопузик* 'желтый груздь', *заводень* (муж. р.) 'летняя страда', *зелёнушка* 'щука в возрасте одного года', *изгаляться* 'приспально смотреть' (ср. серб.-хорв. *gáliti* 'пялить глаза', словен. *gáliti se* 'непристойно заголяться'), *квасцы* 'жидкий отстой свернувшегося молока, сыворотка', *клык* 'кочка на болоте', *кожевина* 'выделанная шкура животного', *корянка* 'кормысло для переноски белья', *косынья* 'пространство между скатами крыши сзади дома, зашитое тесом или дранкой', *краснуха* 'рябина', *красуха* 'красная глина', *ляжьё* собир. 'простой народ' (к *ляд?*), *марина* 'период дождей', *никать* 'искать что-л.', *нутренник* 'только что родившийся теленок; теленок, родившийся зимой' и т.д.

Материалы "Новгородского словаря" не только дают возможность уточнить географию различных славянских слов и расширяют круг их значений, но позволяют в ряде случаев дать толкование неясным в семантическом отношении словам древнерусских текстов, подтвердить или опровергнуть те или иные этимологические трактовки.

Некоторые примеры.

В новейшей книге А.А. Зализняка о северо-западном окраинном древнерусском диалекте, отражаемом новгородской берестой, фрагмент текста грамоты № 112 (кон. XII – 30-е гг. XIII в.) [*се ес*]и *поале исполовницоу мою телицоу вода- (е) ... [ко]-во-со племенемо* (текст дается здесь в упрощенной графике) переведен как '[Вот ты] взял (вероятно, в жены) мою испольщицу; отдай же телку [и корову (?)] с потомством' [Зализняк 1995: 382]. Слово *исполовница*, извлеченное из этого же текста берестяной грамоты, в [СлРЯ XI–XVII вв., 6: 282] оставлено без перевода, с вопросительным знаком вместо толкования. Перевод Зализняком слова *исполовницоу* как 'испольщицу', т.е. 'женщину, арендующую землю с платой в пол-урожая, женщину-соарендатора', весьма маловероятен. Данные "Новгородского словаря" (вып. 3, с. 119: *исполбный* 'взятый на время на договорных условиях'. *Коровушка у нас исполовная*), дополняя сведения о семантике производных от *испол-*, имеющиеся в

СРНГ², позволяют судить, что речь в берестяной грамоте идет об арендуемой и с п о л у корове, незаконно, по мнению автора грамоты, уведенной компаньоном.

Глагол *лыбить(ся)* (праслав. **lybiti*) и, далее, существительное *улыб(к)а* давно поставлены в этимологическую связь с обозначением 'лба, черепа' (праслав. **lъbъ* > русск. *лоб*) – с мотивацией 'скалиться, напоминая череп' [ЭССЯ, 17: 14]. Эта этимология весьма удовлетворительна, однако для окончательной убедительности ей недоставало одного формально-семантического звена, а именно примеров с корневым -у-(-ы-) в словах, несущих не производную семантику 'улыбаться', а более раннюю или же прямо выводимую из значения 'лоб'. "Новгородский словарь" этот пробел восполняет: ср. включенные в него (вып. 11, с. 92) микротопонимы *Улыбушка* в Валдайском р-не (названия холма, возвышенности и "островины" на болоте) – с несомненной мотивацией анатомическим значением, ср. диал. *лоб* 'мыс, крутой берег; возвышенность; утес', *взлобок* 'пригорок' и под. (понятно, что имя реки *Лыбедь*, при всей вероятности его связи с понятием 'гора' [ЭССЯ, 17: 12–13], ср., видимо, аналогичный по отправной мотивации гидроним *Горынь* – в силу его проприальной десемантизованности – весомым аргументом в указанной этимологии быть не может).

Замечательно слово *задавлиюка* 'что-л. очень кислое' [ЭССЯ, 3: 23], должное служить в порядке семантической параллели подтверждением этимологии, правильно связывающей слово *оскомина* с глаголом *скомить* / *щемить* 'давить', – в возражение Вяч.Вс. Иванову, который за чем-то увидел³ в русск. *оскомина* совершенно невероятное заимствование из очевидно периферийного лат. *охусотинит* 'маринованная маслина с тмином' (отмечаемого в "Сатириконе" Петрония), в свою очередь явного грецизма.

Материалы рецензируемого словаря непременно будут использованы в реконструкции лексического состава праславянского языка. Обратим внимание на слово

² *Исполовой*. "Коровы исполовые были, от хозяев: мы кормили, молоком пользовались, а им отдавали телят и коровы им шли на мясо" [СРНГ. 12: 237].

³ В докладе, сделанном 31 августа 1995 г. в Отделе структурной типологии славянских языков Института славяноведения и балканистики РАН.

череха 'вода красноватого цвета', записанное в Чудовском р-не. Не может ли это слово уточнить этимологическую трактовку слова *череха* 'черешня' (праслав. **serxa*), известного пока лишь в болгарском, македонском языках и в гуцульских говорах украинского языка и признающегося [ЭССЯ, 4: 78] заимствованием через латынь из греческого? Во всяком случае, название черешни в последнем мотивировано цветом (к и.-е. **k^werǵs-* 'черный, темный'). Любопытно слово *месень* (муж. р.) 'месяц' (в году): *На май месень ни шубы, ни кафтана* (Крестецкий р-н). Оно, возможно, представляет собою исключительно архаичную форму еще индоевропейского **mē-sen-*, не осложненную суффиксом *-ko* (**mē-sen-ko* [ЭССЯ, 18: 193], если это не переразложение древней основы с заменой ее сегмента суффиксом *-ень*: **mēsē-sь* → **mēs-ēsь* → **mēs-ень*).

Данные "Новгородского словаря", как уже говорилось, весьма ценны в качестве "источника знаний" о русской диалектной фразеологии: *маткин берег!* (выражение досады, вероятно, эвфемистическое преобразование популярного непечатного восклицания), *по пустым вторникам* 'о чем-либо неважном, ненужном (говорить)' – речение, корректирующее тезис о положительной отмеченности вторника в восточнославянских представлениях в противовес южнославянским [СД, 1: 455–456], *бить набелки* 'сердиться' (из ткацкой терминологии; ср. смолен. *бить борону* 'ссориться, спорить'), *глотать солнце* 'бездельничать', *голодный ветер* 'западный ветер', *хоть пол грызи* 'очень плохо', где *Макар коз не даивал* 'далеко' (ср. куда *Макар телят не гонял*), *дурак понюхал* кого-л. (о глупце), *душа в пяточку ушла* (фразеологизм, допустимо думать, сохраняющий более раннее лексическое наполнение; *пять* – 'кисть руки, горсть, кулак'), *жечь рыжики* 'беседовать', 'изменять супругу' (с последним ср. еще фразеологизм *сварить грибов* 'нарушить верность'), *на живот плечистый* (о пухлом человеке с большим аппетитом), *журавли задумчивые* (о смирных людях), *как кур в отрепьях* (о ленивом, неповоротливом человеке), *лапти сделать* 'изменить девушке', *Мартын засватал* (о состоянии человека, когда он начинает зевать, хочет спать), *с лягушечьего рта ветер* 'ветер, приносящий дожди' и мн. др.

Значимость введения в научный обиход новых и довольно многочисленных лексических и фразеологических данных новго-

родских диалектов велика и неоспорима. Нет сомнения в том, что они будут широко привлекаться в историко-семасиологических, лингвогеографических, глоттогенетических исследованиях, в частности, для решения проблемы западнославянского, севернорусского влияния на сложение древненовгородского диалекта – проблемы, весьма (а на мой взгляд, преувеличенно) остро возбуждаемой в работах некоторых последователей А.А. Зализняка.

К огорчению, лексикографический уровень рецензируемого издания далеко не всегда отвечает строгим требованиям современной диалектологической науки.

В описании построения словаря прокламируется различие фонетических и морфолого-словообразовательных вариантов слова, причем для вторых предусмотрена их подача в разных словарных статьях. Однако этот принцип соблюдается не слишком аккуратно (см. статьи *бахмурный/бахмурый*, *баша–баша/баши–баши*, *бодучий/бодачий*, *бродыня/бродня*, *бруить/бруять...* *клюкухи/клюкуши*, *колты/колтки*, *кроль/кроля...* *самоклажа/самоклада*, *сглуха/сглуши...*; относить вариантность таких лексем к фонетике ошибочно).

Построение словарной статьи, заданное выбранными принципами, выдерживается не с неукоснительностью. Возможны в словаре и такие погрешности, как нарушение алфавитного порядка в следовании статей (см., например, вып. 12, с. 121–122).

В словаре встречаются неверные грамматические характеристики, ср., например, противоречие между пометами "(-)и" (флексия родительного падежа), "ж." (женский род) при вокабуле *багань* ('ягоды голубики', собирательное?) и реальной формой родительного падежа в примере: *из баганя варенье...* В заголовочном представлении фразеологизма не всегда, вопреки установкам словаря, необходима лемматизация (приведение, например, глагола, к форме инфинитива): она может устранить необходимое понимание словосочетания, как, скажем, в случае с фразеологизмом *за копейку зайца догнать* – "о жадном" (фразеологизм употребителен только с финитной формой 3-го лица *догонит*. – А.Ж.). Есть и прямые нелепости, связанные с синтаксической, а отсюда и семантической, несогласованностью толкуемого и толкования: *Рукомойная грязь*. О высоком мастерстве в вязании, ткачестве [*Учили с рукомойной грязи брать* (рисунок)].

Не всегда точно устанавливаются в

словаре значения диалектных слов. Толкования многих слов, относящихся к категории физиографической номенклатуры, слов, обозначающих этнографические реалии, и т.п., страдают неидентифицируемостью, чаще всего вызванной пробелами в познаниях собирателей и отсутствием под рукою, например, определителей растений, рыб, насекомых. Но если словарные толкования типа 'комнатное растение с розовыми цветами' или 'рыба с большой широкой головой' – это наша беда, то определения вроде 'вид игры' или 'вид корзины' должны быть прямо поставлены в вину собирателю, поскольку возможность выяснить, в чем состоит эта игра и чем отличается эта корзина, у него, как правило, имеется. Неточно определение 'звезда' для лексемы *курочка*₁ – это не синоним слову *звезда*, как можно было бы предположить, а собственное название определенного светила в определенном созвездии, литературное наименование которого составителю неизвестно (скорее всего, речь идет об одной из звезд скопления Плеяды или о созвездии в целом).

Можно заподозрить, что иной раз составители словаря исходят из лексикосемантической системы литературного языка, и диалектному слову приписывается значение, ему не свойственное. Так, скорее всего, обстоит дело со словами тихв. *обыдённо* и *обыдённый* 'повседневно, буднично' и 'будничный': это позднее, развившееся в литературном языке со 2-ой пол. XIX в., значение в диалектную речь, насколько мне, занимавшемуся этими словами [Журавлев 1983; 1995], известно, не проникло; судить о данном случае наверное мешает отсутствие текстуальных иллюстраций, но ср. приводимое в словаре тихвинское же слово *обыдёнкой* 'в течение одного дня'.

Иногда неточное толкование сильно десемантизованного фразеологизма-"присловья" вызывается его неоправданным отрывом от слова-"стимула", к которому он привязан намертво: *Как у зайца ломов*. О большом количестве чего-л. ненадежного. *У меня домов, как у зайца ломов, где поужинаю, там и спать* (по-видимому, клишированная реакция на вопрос "Где твой дом?"; составители не заметили даже рифмы. – А.Ж.) (статья *лом*).

Очень нередко слову приписывается в словаре более узкое значение, а клишированному речению или паремии – более узкая применимость, чем те, которыми они обладают на самом деле: *Балакать*... Гово-

рить на чужом языке. *Немцы-то балакали* (скорее всего, просто 'говорить' – А.Ж.); *Крутые горки*. 2. О трудных родах. *Крутые горки, да забывчивы* (очевидно, что приведенная в качестве иллюстрации пословица может быть применена не только к ситуации с родами. – А.Ж.). Вполне ли можно доверять толкованиям типа *белынь* (жен. р.) 'белая туча' (*Вон белынь какая ползет...*)?: не 'белизна' ли, с чисто речевым отнесением "абстрактнозначного" слова к конкретному явлению?

Сомнительны толкования слов *балабка* 'житель, приезжий из другой местности' (с иллюстрацией: *Толя балабка ставит себя неветь куды, а сам приехал неизвестно аткуда и гардится*; ср. у Даля новг. *балабка* 'белый хлебец, булка', не исключено, что здесь – 'пустомеля', *пардён* 'отдых' (*И пардону не знала*) или фразеологизма *завести балы* 'рассказывать что-либо' (*Ну завел балы!*; следует: 'снова начать опостылевшие всем разговоры'; отметим, кроме того, видовую несогласованность глаголов в толкуемом фразеологизме и в толковании – оплошность, к сожалению, очень характерную для региональной лексикографии).

Невниманием к природе фольклорного слова следует объяснять отождествление лексического значения, с одной стороны, и кодированного слова, слова-отгадки (на загадку), с другой. Ср.: *Баба*₄... *Соха. Стоит баба на дороге, раскорячены ноги, пришел мужик (загадка)...* (конец загадки, видимо, в силу откровенно эротического второго ее плана⁴, опущен, чего делать не следовало: лингвисту и фольклористу жеманничать не пристало). Понятно, что у слова *баба* языкового значения 'соха' нет, и его использование в загадке нуждается в специальных средствах лексикографического представления (впрочем, давно выработанных и хорошо известных).

Не всегда достаточны прагматические характеристики тех или иных слов. Так, например, в словарь включается лексема *лёдна*, записанная в Опеченском р-не, с толкованием 'голова'. Никаких помет при ней не дается, как нет и примера на свободное употребление (за особым знаком приводится только фразеологизм *на свою лёдну* 'не к добру'), и остается неясным, является ли оно просто синонимом слову *голова*, что чрезвычайно маловероятно, или

⁴ Параллели см., например, в [Топорков 1995: 385–386].

отягощено какими-либо, скорее всего существенными, стилистическими и иными ограничениями на употребление.

Словник "Новгородского словаря" мог быть несколько шире, чем то получилось в окончательной его версии. В одной диалектологической записи могло встретиться несколько диалектных слов, но карточка нередко используется составителями для иллюстрации только одного из них. В словнике пропущены многие диалектные лексемы, которые обнаруживаются в текстуальном иллюстрировании других вокабул, например, *вязтись* 'вязаться' в примере к статье *шепоты* 'род обуви' (*шепоты вязлись*), *гомыла*, *гомыля* – в статье *каленка* (случай тем более досадный, что значение слова вырисовывается из контекста не с безусловностью, а в СРНГ даны лишь варианты калуж. *гамыля* и псков. *гомолина* 'кусочек хлеба'), *гуднюк* (*гуднюг?* 'заросли какого-то растения', 'кустарник'? слова в СРНГ нет) – в статье *пороснюк*, *ерюга* (слова в СРНГ нет; вероятно 'пьяница, бездельник', ср. *ярыжка*) – в статье *край*, *половичина* 'половица' – в статье *слуда* (в словнике присутствуют лишь статьи *половница* и *половничина*), *сухрес-нахрес* 'крест-накрест' – в статье *бабка*₃ 'укладка снопов' и др. Таким образом может теряться и существенная морфологическая информация, например, проигнорирована форма мужского рода *картов* (*картоф*) 'картофель' (статья *калитка*₂ 'ватрушка': *кладут картофель толченой*; при заголовочном слове *карто́в* помета "ж."). Неясным в таких случаях может оставаться наличие варьирующих диалектных форм, например, является ли слово *паранина* (см. статью *жнѣтва*) вариантом к *паренѣна* 'поле под паром', или же это просто опечатка. Невнимание к таким словам при использовании данной записи для иллюстрации другого слова часто имеет следствием неполное очерчивание их ареала на территории Новгородской области. Так, география слов *делѣнка* 'небольшое дело' и *волоко́шко* 'волоконце' должна быть расширена за счет Поддорского р-на (см. примеры к статьям соответственно *баклушница* и *костижина*, *отрепи*), *восор(к)а* 'оса' – за счет Чудовского р-на (статья *крючок*₁ 'слепень'), *невѣдь* 'неизвестно' и *подылок* 'подзолистая почва' – за счет Маревского р-на (статьи *балабка* и *серый* соответственно) и т.д. Выявлена не вся содержащаяся в полевых записях фразеология (ср., напри-

мер, *баенная нечисть* '(какая-то) болезнь' в статье *баенный*, *откупать бал* 'нанимать помещение для вечеринки' в статье *бал*, *серое тесто* в иллюстрации к уже упомянутой статье *калитка*₂, возможно, бранное *анчут горбатый* в статье *анчут* и т.д.).

Нужно сказать (уже адресуя упреки не только составителям словаря) и о не блестящей добротностью технической его базе. Двенадцать выпусков словаря напечатаны четырьмя разными шрифтовыми гарнитурами. Ударный гласный в заголовочной форме обозначается строчной буквой (остальные – прописные), а в иллюстрациях не обозначается никак (из-за чего, к сожалению, утрачивается информация об акцентуации в парадигме). Этот недостаток, следует заметить, не был неизбежным: оригинал-макеты большинства выпусков делались с помощью компьютера. Начиная с 3-го выпуска, с переходом на компьютерный набор, изменен знак, за которым в пределах данной статьи помещается фразеология ("треугольник" заменен "дизем"), но это обстоятельство нигде не оговорено. Встречаются даже такие курьезные вещи, как словарная статья, напечатанная вверх ногами (вып. 1, с. 43).

Конечно, упомянутые упущения и изъяны (а я привел лишь немногие примеры) не дают возможности признать качество словаря весьма высоким. И все же выход его в свет нужно принять с удовлетворением. Сколь ни серьезны упреки, адресуемые составителям лексикона, их работа, требующая подвижнических усилий и огромного времени, неоценима и как всякая деятельность, направленная на фиксацию исчезающей диалектной лексики и фразеологии, на ее введение в научную практику, заслуживает внимания и благодарности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Журавлев А.Ф. 1983 – Семантика и происхождение слова *обыденный* // Этимология. 1981. М., 1983.
- Журавлев А.Ф. 1995 – Скрытые межкультурные конфликты в диалектной лексикографии // Словарь и культура. М., 1995.
- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–21. М., 1975–1995.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–29. М.-Л. (Л.: СПб.), 1965–1995.
- Топорков А.Л. (ред.) 1995 – Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольк-

- лор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. М., 1995.
- Трубачев О.Н.* 1963 – О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963.
- Филин Ф.П.* 1972 – Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
- Шанский Н.М. и др.* 1987 – Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–22–. М., 1974–1995–.

А.Ф. Журавлев

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

*Статьи, посвященные памяти
академика Никиты Ильича Толстого,
будут публиковаться и в следующем номере журнала.*